



В ДРЕВНЕЙ СПАРТЕ

(VII—VI вв. до Р. Х.).

В наше время Спарту постигло полное разрушение. Еще недавно ученые искали на берегах Эвроты место, где когда-то находился главный город Лаконии. Теперь, правда, его местонахождение определили; но немного удалось найти на его древней почве: несколько гробниц, остатки одного саркофага, да развалины театра, построенного, очевидно, довольно поздно, — уже в то время, когда вся Греция была в руках у римлян, — вот все, что посчастливилось отыскать под глубоким слоем земли и мусора, завалившим древнюю Спарту. Исполнилось, таким образом, предсказание греческого историка Фукидида. «Предположим, говорил он, что город Спарта разорен и от него остались только храмы и фундаменты построек; я думаю, отдаленным векам очень трудно было бы поверить тому, что ее могущество соответствовало ее славе... Город показался бы слишком ничтожным, так как части его не соединены вместе; он не имеет ни блестящих храмов, ни других зданий, и по древнему обычаю Эллады состоит из отдельных поселений.» Таким образом, Фукидид не только предсказал полное забвение Спарты в будущем, но и дал объяснение этому. Спарта имела слишком деревенский вид, граждане ее мало делали для поддержания ее внешнего блеска и не украшали ее такими великолепными зданиями, каких было много в Афинах. И немудрено поэтому, что город, состоявший по преимуществу из деревянных построек, лишенный каменных храмов и мраморных статуй, разрушился до основания, и потомки забыли о прежнем его местонахождении.

А между тем Лакония не была бедна естественными дарами. Природа отнеслась к ней щедрее, чем ко многим другим греческим областям. Посредине Лаконии по широкой и плодородной низменности текла с гор Аркадии река

Эврот; глубоко врезывалась она в землю и образовывала своим течением корытообразную долину. Эту долину со всех сторон замыкали горы, с которых обильно текли горные ручьи и давали окрестным полям прекрасное орошение. На Западе тянулся угрюмый хребет величественных Тайгетских гор, на склонах которых росли роскошный кормовые травы для скота. В лесах, зеленой шапкой покрывавших вершины Тайгета, было много дичи. Кроме того, склоны Тайгета были богаты железом и мрамором. На болотистых морских берегах в большом количестве находили пурпурных улиток, дававших хорошую краску.

А совсем рядом с Лаконией находилась еще более цветущая страна — Мессения, лучшая область во всей Греции, — и спартанцы рано (в конце VIII в.) завоевали ее и разделили ее поля между собой. Поэтому пожаловаться на скудость своей природы жители Лаконии не могли ни в каком случае.

Посмотрим же, как жили спартанцы на своей родине, сохраняя среди своей богатой природы неприхотливый образ жизни и деревенские привычки.

*

Лет за 600 с лишним до Р. Х. в Спарте стояло необычайно тревожное настроение. Восстали жители Плодородной Мессении под предводительством потомка своих древних царей Аристомена. Спартанцы надеялись легко справиться с восставшими, но их поддержали обитатели гористой Аркадии и могущественного Аргоса, который всегда враждовал со Спартой. Прошло несколько месяцев со времени начала восстания, и вот в Спарту прилетела страшная весть: спартанское войско разбито в большой битве. Казалось, богатейшая область во всей Греции навсегда утрачена для спартанцев. Печаль и тревога охватили жителей Спарты. Изо-дня в день совещались между собой эфоры; *)

*) Так назывались 5 выборных высших сановников в Спарте, стоявших во главе правления и постепенно подчинивших себе все другие власти—даже царей. С течением времени они получили право штрафовать и арестовывать царей, если находили, что те нарушили законы.

постоянно происходили совещания спартанских старейшин (их звали геронтами). Наконец, было собрано и народное собрание. Обыкновенно оно собиралось только раз в месяц, но теперь, в виду тревожного времени эфоры собрали его раньше обычного срока. Молчаливо, с хмурыми лицами сходились спартанские граждане на рынок, где обычно происходили народные собрания. Среди них не видно было юношеских лиц, потому что по спартанским законам в народном собрании могли участвовать только граждане старше 30 лет. Не слышно было среди них и шумных разговоров, перемешанных с горячими спорами, которые так любили граждане Афин. Несмотря на то, что все важные вопросы решались в Спарте на народном собрании, спартиаты (так назывались спартанские граждане) издавна привыкли слушаться своих геронтов и эфоров, выбиравшихся обыкновенно из самых знатных фамилий, и обыкновенно утверждали те предложения, которые защищали эфоры и геронты; никто из простых граждан не решался выступать со своими мнениями и оспаривать их предложения. Да и сами они редко вступали между собою в прения: еще задолго до народного собрания они обсуждали между собою те вопросы, которые нужно было решить народному собранию, стоварились и в народном собрании действовали согласно. Тихо и чинно происходили поэтому собрания спартиатов; на них не разгорались страсти и дела решались быстро. Словоохотливости в Спарте не любили и на говорливых людей смотрели насмешливо. Рассказывали, что один спартанец, слушая длинноречивого оратора, с иронией заметил: «да, это храбрый человек: он так хорошо вертит своим языком даже тогда, когда ему не о чем говорить.»

Когда граждане собрались на народное собрание, геронты были уже там и сидели на своих обычных местах. Среди них находились и 2 царя, только что вернувшиеся с поля битвы (они считались членами и председателями собрания спартанских старейшин). Лица царей были особенно печальны: они были главнокомандующими на войне и только войной могли себя прославить, потому что в мирное время они были по рукам и по ногам связаны надзором со стороны эфоров; только военные победы могли им доставить большое

значение в государстве. Но теперь они упустили и эту возможность выдвинуться и, проиграв сражение, вместо славы навлекли на себя позор...

Наконец, появились эфоры; при их появлении все геронты, не исключая и царей, встали со своих мест и сели только тогда, когда заняли свои места эфоры. Затем старший из эфоров открыл собрание такой речью: «Граждане Лакедемона, мы собрали вас сюда для того, чтобы спокойно и без увлечения решить, как поступить ввиду поразившего наш город несчастья. Не в обычае у спартанцев терять бодрость в горе и отступать перед препятствиями. Вы никогда не заносились при удаче, но вы и не падаете духом от бедствий. Итак, обсудим вопрос, как приличествует мужам и воинам, которые привыкли не только испытывать опасности, но и побеждать их.» Гул одобрения встретил эту краткую речь. Сейчас же после нее выступил старый геронт; это был уже старик около 70 лет (в геронты могли выбираться только граждане старше 60 лет), но он держался еще прямо, и старческий голос громко и внятно зазвучал над толпой. «Едва ли, граждане, начал он, среди вас есть такие, которые предпочитают позорный мир славной, хотя и опасной войне. Правда, велики наши несчастья, но еще больше потеряем мы, если согласимся на уступку Мессении. Все наше богатство заключается в земле, а земля принадлежит нам, пока сильно наше оружие, пока боятся нас наши гелоты *) и соседние народы. Мы не афиняне, которым их корабли привозят из всех стран все необходимое: из Фракии и Египта — хлеб, из Малой Азии—золото, из Эвбеи — железо и медь, из Милета — узорные ткани. Все, что мы имеем, производится внутри нашей страны трудом наших гелотов, и ничего мы не имеем от соседей. Но наши надельные земли внутри Лаконии малы, от них трудно прокормиться, и если мы лишимся тех земель, которые имеем в плодородной Мессении, то едва ли не голодная смерть будет угрожать многим из нас. Я не буду говорить вам, что многие из Лаконских граждан, имеют земли только в Мессении и, лишившись их, они лишатся всего, — это вы знаете и без

*) Гелотами назывались крепостные крестьяне в Лаконии.

меня. Но я напомним вам, граждане, что и лаконских наделов вы можете лишиться, если покажете уступчивость к восставшим мессенцам. Ведь ни для кого в Элладе не тайна, что лаконские гелоты ненавидят полноправных граждан и готовы их съесть с кожей и волосами. И если они увидят успех восставших мессенцев, то тоже восстанут против нас, и нам будет трудно справиться с ними. Нас—мало,—гелоты далеко превосходят нас своим числом, и только страхом можем мы держать их в повиновении. Страх же у них пропадет, если мессенцы одолеют нас. Поэтому я полагаю, граждане, что не следует нам быть уступчивыми. Соберем новые войска и поручим нашим предводителям-царям неослабно биться против мессенцев; и боги помогут нам одолеть их.» Часть собравшихся громкими криками одобрения приветствовала речь старого геронта; но раздавались и другие голоса, в которых слышалось неудовольствие. Это были по преимуществу голоса тех из спартиатов, наделы которых находились в Мессении; они, конечно, не могли получать доходов в военное время из восставшей области и должны были вести теперь самое нищенское существование. Они отчаялись уже в успехе на поле битвы, и им казалось, что поправить их дела можно не продолжением войны, а переделом земли. У многих из спартиатов уже тогда образовались довольно большие наделы: у некоторых погибли на войне их родственники, и они получали их земли по наследству; некоторым удавалось выгодно жениться на единственной наследнице надела. Мессенские помещики и думали, что, если бы всю лаконскую землю заново переделить на равные участки, то они и без нового покорения Мессении получили бы порядочные наделы. К ним присоединились и те из спартиатов, наделы которых хотя и были в Лаконии, но по разным причинам чрезмерно уменьшились; теперь эти граждане совершенно обеднели и передел земли не мог не прельщать их.

И вот, после речи геронта, среди криков одобрения на народной площади послышались и страшные для многоземельных спартиатов слова: «Передел земли!» «Передел земли!» громко кричала часть собравшихся. Геронты, среди которых было особенно много богатых людей, смутились; они взволно-

ванно стали переговариваться друг с другом и с эфорами. Обычная чинность народного собрания в Спарте была нарушена. Но это продолжалось только несколько минут. Снова поднялся эфор, открывший собрание, и сказал: «граждане, некоторые из вас требуют передела земли; но время ли нам поднимать внутри государства смуты, когда враг стоит у границы нашей земли и когда союзники мессенцев—аргосцы и аркадяне—грозят самому существованию нашего города? Думаете ли вы, что богатые люди добровольно уступят вам часть своих земель? Не надейтесь на это,—они будут бороться против требующих передела земли не с меньшим ожесточением, чем против мессенцев; и вот, когда внутри нашего города наступит междоусобная война, к нему подойдут мессенцы со своими союзниками и без труда возьмут его, а вас обратят в своих гелотов. Подумайте, граждане, хорошо ли это будет, и время ли теперь нам вступать в борьбу друг с другом из-за наделов? Лучше пока оставим этот вопрос и соединим наши силы против врага; а чтобы не сделать чего-нибудь такого, что будет противно воле богов, пошлем посланца в Дельфы к оракулу и спросим у него совета, как нам быть. Боги нам помогут и удержат в повиновении гелотов: мы, эфоры, следуя обычаю предков, уже объявили им войну при недавнем нашем вступлении в должность и сделали распоряжение, чтобы против них отправились отряды нашей храброй молодежи, а они уже сумеют с ними справиться,» с усмешкой заключил свою речь эфор. На этот раз слова эфора, казалось, убедили собрание. Крики одобрения раздались сильно и скоро слились в общий громкий гул, среди которого потонули голоса немногих несогласных. Настроение народного собрания выразилось в этом гуле вполне ясно. Решение продолжать войну было принято, и граждане стали расходиться. Скоро народная площадь опустела.

*

С площади народного собрания граждане отправились к военному лагерю, находившемуся среди города, где они проводили все свое свободное время. Там же находились и казармы, в которых, вдали от семьи, жили мальчики и

юноши, не достигшие 30-ти летнего возраста, среди постоянных военных упражнений. По команде своих начальников граждане построились по ротам и взводам, и начались военные и гимнастические упражнения, которым граждане предавались каждый день и который отнимали у них значительную часть времени. В стороне от них, разделившись на отдельные группы, занимались также гимнастическими и военными упражнениями мальчики и юноши. Эти группы различались между собой по возрасту: в одной находились мальчики от 7 до 18 лет, в других—юноши от 18 до 20 и в третьих — молодые люди от 20 до 30 лет. Ничто не отвлекало спартанцев от их занятий военным делом, — ни непогода, ни тревоги жизни: они понимали, что только военной силой и держится их господство над подвластным им населением Лаконии, и потому не жалели ни времени, ни сил на военные упражнения. В противоположность афинянам спартанцы не заботились о развитии гимнастики изящества и благородства движений; она у них должна была служить только военным целям—приучать к ловкости и крепости на войне.

После 2—3 часов военных упражнений граждане шумной толпой направились к Якинфской улице, на которой стоял ряд палаток. Это было обычное место для обедов всех взрослых спартанских граждан; здесь обедали вместе не только те, кто имел право участвовать в народном собрании, но и молодые люди, перешедшие 20-ти летний возраст. Никто из спартиатов, достигших 20-ти лет, не имел права обедать у себя дома, в кругу своей семьи; исключение делалось лишь для тех, кто запаздывал из-за охоты или из-за домашнего жертвоприношение. Даже цари должны были подчиняться общему правилу и обедать с прочими гражданами за общественным столом. Чтобы покрыть расходы на стол, каждый спартиат должен был вносить ежемесячно небольшое количество ячменной муки, вина, сыра и смокв, да, кроме того, 10 оболлов деньгами (около 40 коп.); кто не делал этого, тот исключался из числа полноправных граждан и лишался права присутствовать в народном собрании.

Быстро разделились пришедшие на небольшие кучки по

15 человек в каждой; в каждую кучку при этом отошли воины одного и того же взвода, только что стоявшие вместе в строю. Каждая кучка заняла отдельную палатку. Посредине палатки находился длинный стол, на котором уже стояли большие сосуды с вином и блюда с хлебом. Как только все расселись, рабы внесли дымящиеся миски со странным кушаньем: это была знаменитая спартанская черная похлебка, которая состояла из горячей крови, приправленной солью и уксусом с куском свиного мяса внутри. Эта черная похлебка славилась далеко за пределами Спарты, как очень здоровое и питательное кушанье, и часто даже афинские любители хорошо поесть выписывали себе поваров из Спарты, чтобы те готовили им спартанскую похлебку.

Проголодавшиеся граждане быстро принялись за еду. Только в одной палатке произошла маленькая задержка. Недавно был убит в сражении один из сотрапезников этой палатки, и некоторое время обедающих было не 15, а 14 человек. Теперь новым сотрапезником на место умершего просился молодой спартанец. Никто ничего не имел против его избрания, потому что было известно, что это — человек зажиточный, и что ему будет не трудно делать установленные взносы в сисситии (так назывались общие трапезы); но по спартанским обычаям его все-таки надо было выбрать. Вошел слуга, неся на голове небольшую чашку; каждый из сотрапезников взял в руку шарик из хлеба и бросил его в чашку; при этом тот, кто не хотел, чтобы молодой спартанец стал его товарищем по трапезе, должен был предварительно сдвинуть шарик; и если бы при подсчете в чашке нашли хоть один раздавленный шарик, то молодой спартанец считался бы невыбранным. На этот раз все шарики оказались круглой формы, и молодой спартанец облегченно вздохнул: если бы его не приняли в сисситии, он не мог бы стать полноправным спартанским гражданином, считался бы «умаленным» по своим правам. Стар--- из сотрапезников приветливым знаком пригласил нового товарища занять место на скамье. «Попробуй-ка нашей похлебки, сказал он ему, ведь не всякому она по вкусу; вот старики рассказывают, что один царь на востоке купил себе повара из Спарты, чтобы он ему готовил чер-

ную похлебку, а когда попробовал, то рассердился;—не-вкусна она ему показалась, а повар и говорит ему:—«царь, прежде чем есть эту похлебку, надо выкупаться в Эвроте!» Все рассмеялись рассказу об изнеженном восточном царе.

В это время в палатку вошло несколько мальчиков-подростков 13 — 15 лет. Спартанские мальчики не имели права сами принимать участие в общественных трапезах; они обедали отдельно от взрослых в своих казармах, причем им давали очень скудную пищу, и они почти всегда чувствовали себя голодными. Чтобы развить в них предприимчивость и хитрость, их поощряли воровать со стола взрослых во время сисситии или прокрадываться на общественный кухни, в сады богатых людей. И теперь мальчики вошли в палатку в надежде чем-нибудь поживиться. А кроме того им было интересно послушать разговоры сотрапезников: спартанцы, обычно неразговорчивые и угрюмые, любили поговорить за столом и провести время в воспоминаниях о старине и остроумных шутках. Взрослые не только не мешали мальчикам присутствовать за столом, но даже и поощряли это, надеясь, что это будет полезно и поучительно для них.

На этот раз мальчики не обманулись в своих расчетах услышать интересные рассказы. Старший из сотрапезников искоса взглянул на вошедших и продолжал, обращаясь к вновь принятому товарищу, но говоря достаточно громко, чтобы его услышали и мальчики: «да, юноша, иные обычаи у нас в Спарте, чем в других местах. Для богатого человека его богатство у нас не в радость; он не может им воспользоваться, как следует, потому что должен обедать с бедными за одним столом; он не может пригласить к себе друзей для обеда в дом, похвастаться перед ними драгоценной посудой, хорошим убранством дома и обильными яствами. Вот почему про нас говорят, что в Спарте бог богатства слеп и лежит без жизни и движения». Все присутствовавшие, а особенно новый сотрапезник и мальчики внимательно слушали говорившего, и, поощренный вниманием, он продолжал: «да и для войны обычай обедать вместе много значит; ведь мы каждый день подолгу сидим за одним столом, свыкаемся друг с другом, и на войне

поэтому крепко стоим друг за друга; никто из нас не покинет товарища в бою и будет защищать его, как родного брата.» «Да, подхватил другой сотрапезник, недаром мы слышем храбрейшими людьми во всей Элладе, и нет у нас большего позора, как оставить поле битвы, спасая свою жизнь бегством. Даже матери у нас от таких сыновей отворачиваются. Слышал я, что когда одна спартанка узнала про бегство своего сына от неприятеля, то написала ему:— «о тебе пошла дурная молва, смой ее или прекрати свою жизнь».—«Да, неробкого нрава наши женщины, — заметил еще один из присутствовавших,—не любят они нежничать со своими сыновьями. Вот еще недавно, когда сын старой Афродисии рассказывал ей, как погиб в бою славной смертью его брат, она не пожалела умершего, а сказала только оставшемуся в живых: «Не стыдно ли тебе, что ты упустил случай такого сообщества?» — «И мужчины у нас не робки,—вмешался в разговор новый собеседник, — недавно встретился я с нашими гражданами, которые вернулись с охоты по тайгетским ущельям, и говорю им: «счастливы вы, что не встретились там с разбойниками».— «Нет, счастливы разбойники, отвечают они мне, что не повстречались с нами.» Все рассмеялись остроумному ответу, не исключая и мальчиков. «Да, немногословны наши спартанцы, сказал старший их сотрапезников, но подчас они умеют сразить человека коротким словом не хуже, чем мечом. Как-то при мне стали восторгаться тем, что жители Элиды всегда справедливо присуждают награды во время олимпийских состязаний; а старик Харилай и говорить: — «что же удивительного, что элидцы один день в 4 года умеют быть справедливыми.» *) Все снова засмеялись; постепенно разговор оживлялся и делался общим; слышались шутки и остроты; взрослые стали подшучивать над мальчиками, но те довольно спокойно переносили эти шутки; они знали, что взрослые этим только испытывают их терпение и что спокойствие и хладнокровие особенно почитаются в Спарте.

*) Олимпийские состязания происходили раз в 4 года, а присуждение наград совершалось в последний день празднеств.

Между тем черная похлебка была съедена. На ее место слуги принесли сыр, оливки и смоквы; этой неприветливой закуской обыкновенно и заканчивалась общая трапеза, если кто-нибудь из участников ее не прибавлял к ней добровольно той добычи, которую ему посчастливилось найти во время охоты по тайгетским лесам. На этот раз такой прибавки не было, и сотрапезники прямо приступили к закускам. Но тут они заметили, что значительная часть принесенных закусок куда-то исчезла; обернувшись, они увидели, что вместе с тем исчезли и мальчики. Сотрапезники расхохотались; «молодцы мальчишки, воскликнул старший из них, ловко обделали дело. Счастье их, что не попались; а то их воспитатели как следует отодрали бы их плетью, да и голодом порядком поморили бы за неловкость». Слова сотрапезника вполне верно передавали отношение спартанских воспитателей к воровству: они наказывали не за самое воровство, а за неловкость и нерасторопность при нем и, поощряя удавшуюся кражу, жестоко наказывали тех, которых ловили на месте преступления.

Этим развеселившим всех случаем и закончился обед. Пропев пеан (хвалебную песнь) в честь богов, сотрапезники разошлись. Короткий осенний день уже кончался, а им нужно было поспеть домой еще засветло: идти по улице впотьмах никому не хотелось, а брать с собой огонь строго воспрещалось, чтобы не обнаружить этим трусости и излишней, на взгляд спартанцев, осторожности.

Не все, однако, участники трапезы отправились по домам; провести остаток дня в кругу семьи могли только те, кому было больше 30 лет; более молодые должны были вернуться в общие казармы: они еще не имели права жить дома, и даже в позднее вечернее и ночное время находились под пристальным присмотром приставленных к ним воспитателей и начальников, как и маленькие семилетние мальчики.

*

На другой день после этого, ранним утром, по пыльным улицам Спарты шло несколько отрядов молодых людей. Они были вооружены короткими мечами, и каждый нес с собой небольшой запас провизии на несколько дней. Их

загорелые лица дышали смелостью и отвагой, и глаза их весело смотрели кругом; они знали, что идут на важное для всего государства дело: их посылали водворить порядок среди начинавших уже волноваться гелотов и жестоко наказать тех из них, кто был особенно опасен. Среди выступавших в поход молодых людей было много еще совсем зеленых юношей, едва вышедших из детского возраста. Они только на время получили возможность вырваться из общественных казарм и уйти из-под руководства своих строгих воспитателей и начальников, чтобы по окончании похода снова вернуться к прежней поднадзорной казарменной жизни. Они без страха шли в поход. Прежнее воспитание приучило их не бояться опасностей и лишений; да и в самом деле разве их жизнь в годы детства не была труднее, чем тяжкая обстановка самого опасного похода? Они знали, что во время похода придется спать под открытым небом на голой земле, питаться случайной добычей, подвергать свою жизнь опасностям. Но разве обычная постель спартанского мальчика, сделанная из тростника, который он сам себе срывал на берегах Эвроты прямо руками, без помощи ножа, была многим удобнее голой земли? Разве постоянная жизнь впроголодь, суровые наказания розгами, которым их подвергали за самые мелкие провинности, за неудачный скачок во время упражнений гимнастикой, за недостаточно быстрое исполнение приказа, были менее суровы, чем лишения военного времени? Юношам приходило на память, как ежегодно в назначенный день их бичевали на алтаре Артемиды-Ортии безо всякой вины, только за тем, чтобы приучить их к боли и выносливости, и как некоторые из них умирали во время бичевания, не испустив ни единого крика боли. В сравнении с этими лишениями и мучениями детских лет предстоящий поход на гелотов казался юношам веселой забавой. Они уходили теперь из-под сурового надзора воспитателей, следивших за каждым их шагом; они знали, что теперь настанет полный простор для их удали, потому что эфоры объявили гелотам войну, а во время войны всякое убийство гелота, хотя бы и безоружного и ни в чем неповинного, будет безнаказанным.

Вскоре юноши вышли из Спарты, и перед ними открылась плодородная долина Эвроты. В ней среди полей уже сжатого ячменя, оливковых рощ и виноградников были разбросаны многочисленные и густо населенные деревни гелотов. Эти деревни почти вплотную подходили к Спарте и длинной цепью уходили вглубь страны, теряясь на горизонте в тумане утреннего сырого воздуха. По мере того, как юноши отдалялись от Спарты, стали вырисовываться белые стены хижин гелотов и их плоские крыши. Внешний вид этих хижин не казался особенно убогим; гелоты вообще не жили чересчур бедно; среди них были даже люди зажиточные. Происходило это оттого, что гелоты по своему положению не были похожи на рабов в остальной Греции. Правда, они не были свободны, не могли покинуть своей земли и уйти куда-нибудь в другое место; но зато они не были и в полной власти у своих господ: их нельзя было ни продавать, ни покупать. Они могли свободно, по своему выбору, вступать в браки, и семейная жизнь была среди них даже более возможна, чем среди спартиатов, которых от семьи постоянно отвлекали военные упражнения и общие обеды. Отведенными им участками земли они могли распоряжаться почти свободно, и в обычное время спартиаты не вмешивались в их времяпровождение, если только гелоты исправно исполняли свои обязанности по отношению к ним, т. е. аккуратно платили подати (на каждое семейство гелотов была наложена обязанность поставлять в Спарту ежегодно 82 медимна*) ячменя и некоторое количество масла и вина), являлись от времени до времени в Спарту, чтобы прислуживать в доме и при столе спартиатов, и служили, когда их вызывали, в войске щитоносцами и слугами **). Поэтому-то у гелотов была возможность скопить капитал и жить безбедно.

Еще за версту до первой лежавшей им на пути деревни спартанские юноши сошли с дороги, разбились на небольшие кучки и спрятались в тени оливковой рощи и между кустами виноградников. Они знали, что нападать

*) Мера емкости.

***) Только уже позднее (в V веке) гелоты стали привлекать к военной службе легковооруженными воинами.

на гелотов прямо — опасно в виду того, что гелотов было гораздо больше, чем их, и что между ними было много храбрых и сильных людей. Спрятавшись, они стали поджидать, пока к ним подойдут уже вышедшие на работу гелоты, а другие, не дожидаясь этого, сами тихонько подкрались к работавшим вблизи деревень гелотам; некоторые из юношей засели в разных местах у самой дороги, надеясь подслушать неосторожные разговоры путников.

У самой деревни в стороне от других работали около оливковых деревьев два гелота: старый и молодой. Они вели между собой разговор о недавнем поражении спартанцев.

«Эх, хорошо бы было, если б мессенцам удалось разрушить проклятую Спарту до основания», — со злобой в голосе сказал молодой гелот: «Живут спартиаты на наш счет, питаются только тем, что мы им привозим, а сами только и знают, что упражняются в гимнастике и военном деле. У других греков за безделие наказывают, а у них праздность считается почетным делом.» «Этим-то и сильны спартанцы», ответил старик, «не занимайся они постоянно военным делом, не проводи всю жизнь в лагерях, им трудно бы было удержать власть над нами: ведь нас раз в 20 больше, чем их». «Это так», заметил молодой, «да нам-то от этого не легче. Ведь они грабят нас, отнимают у нас то, что мы заработали своим кровным трудом, а платят нам за это не благодарностью, а одной только грубостью и жестокостью. Меня как-то брали в Спарту, чтобы прислуживать за общими обедами; — так пастух лучше со свиньями обращается, чем они ко мне относились. А брата старшего моего взяли лет 10 тому назад на войну с мессенцами и держали при войске, как вьючное животное: не воевал он, а только щиты да оружие за воинами таскал во время походов. Нечего сказать, хорошее занятие для грека!» — с раздражением закончил свою речь молодой гелот и, бросив кирку, которой он окапывал оливковое дерево, пошел к журчавшему невдалеке ручью, чтобы напиться воды. Но ему не суждено было дойти до ручья: едва только он отошел шагов на сто от старика и скрылся от него за деревьями, как три спартанских юноши, бес-

шумно подкравшись к нему сзади, вонзили ему в спину и шею свои мечи. Они слышали разговор молодого гелота со стариком, и его недовольные речи были в их глазах достаточным основанием для смертного приговора над ним. Без крика упал молодой гелот на землю, а юноши снова спрятались в кустах, выслеживая новые жертвы...

Другая группа юношей, спрятавшихся вблизи дороги, поступила еще проще. Им навстречу, везя за собой тачку, полную навозом, шагал по дороге гелот средних лет; высокий рост, широкие плечи и тяжелая поступь изобличали его необыкновенную физическую силу. «Нелегко будет справиться с ним, если он возьмет в руки меч», шепнул спартанский юноша своему соседу и, быстро выпрыгнув из скрывавших его виноградников, ударил великана-гелота мечом прямо в грудь. Убив его, юноши быстро схватили его труп и сволокли его к тростникам Эврота; тоже сделали они и с его тачкой. Такие убийства гелотов, виновных только своею крепостью и силою, были далеко не редкостью. Этим путем спартиаты заранее избавляли себя от особенно опасных противников на случай, если возникнет восстание гелотов... Вообще во время набегов на гелотские деревни спартанские юноши мало заботились о том, чтобы убивать действительно «подозрительных», готовых к восстанию гелотов: им нужно было только совершить побольше убийств, нагнать страх на гелотов и показать им, как коротка и сурова расправа спартиатов и как опасно сопротивляться им.

Весь день просидели спартанские юноши, спрятавшись в виноградниках и оливковых рощах. Много неосторожных речей подслушали они, и много гелотов заплатились жизнью за свою ненависть к спартиатам. Тех из них, которых удавалось застигнуть наедине, вдали от других, спартанцы тут же убивали; других же они только замечали, — затем чтобы вечером или даже ночью расправиться с ними тайком от других. Ужас охватил на другой день гелотов, когда они стали находить в разных потайных местах трупы своих односельчан; они поняли, чье это было дело, и еще сильнее вспыхнула в их сердцах ненависть против спартиатов...

А спартанские юноши были в это время уже около другой гелотской деревни и совершали на новом месте свое жестокое и коварное дело...

*

Жители Спарты только на короткое время были успокоены решением народного собрания—обратиться за советом к дельфийскому оракулу и послать спартанских юношей против гелотов. В городе скоро снова начались волнения. Мессенцы в союзе со старыми врагами Спарты—аргосцами и аркадянами—храбро бились со спартанцами; война затягивалась. Скоро снова начались волнения, и тем из спартиатов, которые имели надель в Мессении, казалось, что их земли навсегда уже утрачены для них, и они снова стали требовать передела земли. С ними заодно были и обедневшие спартиаты, у которых были владения в самой Лаконии. Требования недовольных делались все настойчивее, и многие уже боялись, что в Спарте вспыхнет междоусобная война, потому что многонадельные богатые люди совсем не хотели уступать свои земли бывшим мессенским помещикам и обедневшим гражданам Лаконии. И вот, в разгар этих волнений, пришел ответ от дельфийского оракула. Он поразил всех спартанцев своей странностью и неожиданностью. Оракул советовал попросить советчика в нужде у афинян; но спартанцам было известно, что афиняне с неудовольствием смотрят на расширение владений Спарты в Пелопоннесе, и от афинян они менее всего рассчитывали получить хороший совет. Тем не менее они не решились послушаться оракула и отправили к афинянам послов за советчиком. Как и следовало ожидать, афиняне насмешливо отнеслись к просьбе спартанцев и послали им хромого школьного учителя Тиртея, имевшего репутацию недалекого человека. Совершенно неожиданно именно от этого хроменького калеки спартанцы действительно получили помощь. Он стал слагать вдохновенные песни, в которых призывал спартанцев к мужественной борьбе за родину и жестоко клеймил всех упавших духом:

«Вражеских полчищ огромных не бойтесь, не ведайте страха,
Каждый пусть держит свой щит прямо меж первых бойцов,
Жизнь ненавистной считая и мрачных посланниц кончины—
Столько же милыми, сколь милы нам солнца лучи!»

С особенной силой воспевал Тиртей прелесть смерти
за отчизну:

«Славно ведь жизнь потерять, среди воинов доблестных павши,—
Храброму мужу в бою из-за отчизны своей!»

—воскликает он. И словно имея в виду обездоленных
войной мессенских помещиков, он описывал далее пе-
чальные последствия уступка в бою и трусости:

«Град же родной и цветущие нивы покинув, быть нищим—
Это, напротив, удел всех тяжелейший других.
Будет он жить ненавистным среди тех, у кого приютится,
Тяжкой гонимый нуждой и роковой нищетой;
Род он позорит и вид свой цветущий стыдом покрывает—
Беды, бесчестье летят всюду за ним по следам!»

Тиртей понимал, что сила спартанцев в том това-
рищеском духе, который воспитывается постоянной их
лагерной жизнью вместе и общими обедами, и увещевал
их не покидать друг друга в бою и крепко отстаивать
старых и слабых:

«Юноши, бейтесь же, стоя рядами, не будьте примером
Бегства постыдного иль трусости жалкой другим!..
Не покидайте старейших, у коих уж слабы колена,
И не бегите, предав старцев врагам:
Страшный позор вам, когда среди воинов первый упавший
Старец лежит впереди юных летами бойцов...

Под влиянием этих песен спартанцы собрались с
силами и снова принялись за мужественную борьбу с мес-
сенцами.

Но Тиртею было ясно, что полной победы над мессен-
цами будет трудно достигнуть до тех пор, пока не уля-
гутся внутренние волнения в государстве и не перестанут
волноваться мессенские помещики и бедные граждане Ла-
конии. И вот он стал слагать новые стихи, в которых
прославлял старинные порядки Спарты и утверждал, что

сам Аполлон установил эти порядки; он внушал спартамцам любовь к их старому царскому роду, который был поставлен над Спартой самим Зевсом и вел свое происхождение прямо от славного героя Геракла. Тиртей убеждал больше думать о войне с мессенцами и о победе над ними, чем об изменении старого, освященного богами, устройства; войной добудем мы себе и новые наделы, говорил он. А чтобы легче было бороться с мессенцами, Тиртей убедил спартиатов дать право гражданства многим из подвластных Спарте жителей Лаконии—периэкам *) и гелотам. С увеличением числа граждан увеличилось и число воинов; спартамцам легче стало бороться с мессенцами и они решили им дать генеральное сражение.

Обыкновенно для участия в походе в Спарте брались люди только одного возраста, — напр., все граждане от 25 до 35 лет или от 40 до 50; а теперь на войну двинули всех обязанных военной службой спартиатов, т. е. всех граждан от 20 до 60 лет; кроме того, к ним присоединили еще значительное число периэков, вооружив их тяжелым оружием, а в качестве слуг и щитоносцев к войску приставили большое количество гелотов. Сами спартиаты, вооруженные длинными копьями и короткими мечами, закованные в панцири, со шлемами на головах и с железными щитами в руках, по обычаю предков построились неглубокими рядами (в 2—4 солдата вглубь). 300 отборных всадников, под предводительством трех офицеров, гарцевало на конях кругом предводительствовавших войском царей. Это был только личный конвой царей, который во время походов употреблялся еще и для сторожевой службы: особой конницы в Спарте тогда еще не было и в бою участвовала одна пехота. Особый жрец нес впереди войска огонь, взятый с домашнего алтаря одного из царей; этим огнем будут сжигаться все те жертвы, которые царь найдет нужным принести богам во время похода.

*) Периэками назывались подвластные спартиатам, но свободные жители Лаконии, не имевшие полных прав гражданства; они жили по большей части в приморских поселках Лаконии и занимались торговлей.

Спартанское государство было невелико по размерам, в длину оно простиралась только на 27 верст,—и через несколько часов пути спартанское войско достигло границы. Здесь были принесены жертвы Зевсу и Афине. Отдохнув некоторое время, войско двинулось дальше, перевалило через Тайгетский хребет и, выйдя в плодородную мессенскую низменность, принялось за устройство лагеря. Был очерчен довольно широкий круг и обнесен полисадом, который несли на себе во время похода гелоты; всадники были поставлены на передовых постах довольно далеко от лагеря в качестве ночных стражей; кроме них, кругом лагеря были поставлены для сторожевой службы посты из гелотов. Нужно было быть осторожным, потому что враги во всякую минуту могли напасть на спартанцев, да кроме того осторожность в военное время вообще была свойственна спартанцам; поэтому даже внутри лагеря воинам запрещено было ходить без копья и уходить слишком далеко от своего взвода. Утомленные солдаты скоро заснули; но недолго им пришлось спать; ранним утром спартанские воины принесли известие, что вблизи показались войска мессенцев и их союзников.

Один из царей, принявший на себя начальство на этот день, велел протрубить сбор; затем войска были построены в боевой порядок и выведены за границу лагеря; здесь, в виду неприятеля, царь заколол в жертву богине Артемиде козу; солдаты надели на себя боевые венки, флейтисты заиграли военный марш, и под их аккомпанемент все воины громко запели недавно составленную Тиртеем песнь:

«Вперед, о сыны отцов, граждан
Мужами прославленной Спарты!
Щит левой рукой выставляйте,
Копьем потрясайте отважно
И жизни своей не щадите:
Ведь то не в обычаях Спарты!»

Под звуки флейт и пения войско спартанцев медленным, тяжелым маршем шло на врагов, тесно сомкнув свои ряды, как советовал Тиртей:

"Ногу с ногою поставив и щит о щит опирая,
Грозный султан—об султан, шлем—о товарища шлем,
Плотно сомкнувшись грудь с грудью...
Стиснув рукою копые иль меча рукоять"

Напрасно враги пробовали расстроить плотно сомкнутые ряды спартанцев быстрым натиском: спартанцы твердо выдерживали их напор.

«Стоя каждый на месте, ногами
В землю упершись, губы зубами прижав,
Бедрa и голени снизу и грудь свою вместе с плечами,
Выпуклым кругом щита крепкою медью прикрыв».

От сплошной стены спартанских щитов и густого леса протянутых вперед длинных их копий отскакивали один за другим ряды неприятельских воинов. Тогда спартанцы, заметив, что враги уже расстроили свои ряды, перешли в наступление и, быстро опрокинув мессенцев, погнали их впереди себя, поражая их своими короткими мечами. Долго, впрочем, спартанцы не преследовали врагов; они считали недостойным грека—убивать уже разбитых и отступающих; поэтому, увидав, что победа за ними уже укреплена, они стали медленно возвращаться домой. На поле сражения они послали гелотов, отчасти затем, чтобы те добили раненых неприятелей, отчасти — чтобы подобрали павших на поле битвы спартанцев.

Вернувшись в лагерь, спартанцы принесли благодарственную жертву богу войны Аресу: они заклали в его честь петуха в знак того, что победа была одержана ими в открытом бою (если бы им удалось одолеть врага хитростью, то они заклали бы быка). Вслед затем цари отправили в Спарту к зфорам гонца с радостной вестью, что мессенцы и их союзники разбиты. Теперь спартанцы снова могли вступить в беспрепятственное владение Мессенией и вернуть спартанским помещикам их утраченные было наделы. Померкнувшая слава спартанского оружия была восстановлена.

В. Перцев.